

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12602

EDN: AJNBIJ

Пасхальный канон в рассказе М. А. Кучерской «Кукуша»

А. Кавацца

*Урбинский университет им. Карло Бо
(г. Урбино, Италия)*

e-mail: antonella.cavazza@uniurb.it

Аннотация. Жанр пасхального рассказа, сложившийся во второй половине XIX в., возродился в постсоветское время, в конце XX — начале XXI в. В статье приведены результаты наблюдений над постмодернистским рассказом М. А. Кучерской «Кукуша» и показано, как в современной российской прозе проявляется канон пасхального рассказа. Помимо некоторых традиционных составляющих (идейное содержание — с акцентом на раскрытии человеческих ценностей и делах милосердия; преображение жизни главного героя — в рассказе вместо этого происходит изменение внутреннего состояния героини) чертами канона выступает также поиск главной героиней рассказа Кучерской собственной идентичности. Данный мотив выражен двояко: как через христианский символ (крест), так и с помощью фольклорного образа кукушки, — передавая сохранившийся в некоторых слоях современного общества синкретизм фольклора и религии, когда христианская и языческая вера сосуществуют во внутреннем мире человека. Сопоставление рассказа «Кукуша» с двумя другими современными произведениями в данном жанре: «Пасхальным рассказом со срывом» Б. П. Екимова (2002) и рассказом «Однажды на Пасху» А. Б. Торика (2023) — позволило обобщить приведенные наблюдения, сделав вывод, что, возродившись, пасхальный канон в начале XXI в. вместе с тем и расширился, вменив в себя экзистенциальный статус человека в состоянии кризиса.

Ключевые слова: Майя Кучерская, Кукуша, постмодернизм, пасхальный канон, Пасха, крест, пасхальная жертва Христа, Гентский алтарь ван Эйка, Достоевский, бедная религия, поиск идентичности

Для цитирования: Кавацца А. Пасхальный канон в рассказе М. А. Кучерской «Кукуша» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 249–260. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12602. EDN: AJNBIJ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12602

EDN: AJNBIJ

The Easter Canon in the Story “Kukusha” by M. A. Kucherskaya

Antonella Cavazza

*The University of Urbino Carlo Bo
(Urbino, Italy)*

e-mail: antonella.cavazza@uniurb.it

Abstract. The genre of the Easter story, which developed in the second half of the 19th century, was revived in the post-Soviet period, at the end of the 20th — beginning of the 21st century. The article presents the results of observations of the postmodern story by M. A. Kucherskaya “Kukusha” (“The Cuckoo”) and shows how the canon of the Easter story manifests itself in modern Russian prose. In addition to some traditional components (for example, ideological content — with an emphasis on the disclosure of human values and works of mercy; the transformation of the main character’s life — in the story, along with this, there is a change in the inner state of the heroine) the Easter canon also manifested itself through the motive of the main character’s search for her own identity in the story of the Coachman. This motif is expressed in two ways: both through the Christian symbol (the cross) and with the help of the folklore image of the cuckoo, conveying the syncretism of folklore and religion preserved in certain layers of modern society, when Christian and pagan faith coexist in the inner world of people. Comparison of the story “Kukusha” (“The Cuckoo”) with two other modern works in this genre: “The Easter Story with a Breakdown” by B. P. Ekimov (2002) and the story “Once Upon an Easter” by A. B. Torik (2023) — allowed us to summarize the above observations, concluding that, having revived, the Easter canon thus expanded at the beginning of the 21st century, accommodating the existential status of a person in a state of crisis.

Keywords: Maya Kucherskaya, Kukusha, The Cuckoo, postmodernism, Easter canon, Easter, cross, Easter sacrifice of Christ, Ghent altarpiece by van Eyck, Dostoevsky, poor religion, search for identity

For citation: Cavazza A. The Easter Canon in the Story “Kukusha” by M. A. Kucherskaya In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 249–260. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12602. EDN: AJN-BIJ (In Russ.)

Глубинная укорененность в России предпочтения Воскресения Христова перед Рождеством привела к появлению в литературе жанра пасхального рассказа [Есаулов: 49]. К настоящему времени в русском литературоведении существует достаточно много исследований, посвященных как этапам становления жанра пасхального рассказа, так и анализу его форм, на материале произведений XIX и начала XX в. Наиболее авторитетными здесь представляются труды В. Н. Захарова (1994), О. Н. Калениченко (2000), И. А. Есаулова (2004), С. Ю. Николаевой (2004)¹. Существуют также исследования, не в достаточной мере системные, о послереволюционном и советском времени, когда пасхальный рассказ едва ли не исчезает из русской прозы. Основные жанровые признаки пасхального рассказа изложены в монографии Т. Н. Козиной «Эволюция пасхального архетипа» [Козина, 2019]. Согласно проведенному исследовательницей обзору ряда литературных журналов («Новый мир», «Нева», «Октябрь»), можно говорить о возрождении данного жанра в конце XX — начале XXI в. (см.: [Козина, 2011: 160]).

В своей статье мне бы хотелось привести некоторые результаты наблюдений над рассказом «Кукуша» М. А. Кучерской, с целью показать, как произведения современной русской писательницы соотносятся с каноном пасхального рассказа, сложившимся во второй половине XIX в.

В постмодернистском произведении «Кукуша» (2008) действие происходит в дни Страстной седмицы, что является одним из жанрообразующих признаков пасхального рассказа. Пасхальный хронотоп важен и для понимания сложного сюжета — полного перипетий, монологов, фиксирующих поток сознания главной героини, указывающих на владение автором приемами постмодернизма (из которых особенно следует выделить такие, как фрагментарность текста и эмоциональность речи). Характерная для постмодернизма «бессюжетность» наблюдается уже в начале рассказа, где вместо последовательного воспроизведения событий подробно описывается второстепенный по значимости персонаж:

¹ См.: [Захаров], [Калениченко], [Есаулов], [Николаева].

«Гриша выскочил в коридор из боковой комнаты. Резко, громко засмеялся. Своим новым специальным, настоенным на бесполезных травах смехом.

Он стоял перед ней в пестром цветном платке, круглые красные маки, зеленые листья летели по черному фону, в ядовито-оранжевой, какой-то нездешней рубашке, видимо, трусах. Трусов видно не было, рубашка свешивалась совсем низко, из-под нее торчали голые ноги и детские круглые коленки. Гриша был страшно весел и возбужден»².

Прежде, чем восстановить развитие сюжетной линии, всю первую половину рассказа, автор разрывает действие, прерывает его размышлениями, воспоминаниями и мольбами персонажа, допуская не менее десяти случаев нарушения последовательности повествования. Синтаксис, состоящий из бессоюзных предложений, передает внутреннюю смятенность главной героини. Сама структура текста указывает на абсолютную погруженность персонажа в свой внутренний мир. Это состояние опустошенности героини становится еще более эмоционально убедительным, когда читатель осознаёт, что речь идет не просто о молодой женщине, а о жене и матери двух детей.

Начало рассказа — приход Маши к своему бывшему однокласснику Грише. Согласно христианскому обычаю, главная героиня рассказа хочет встретить Пасху делами милосердия. Эти действия она направляет на своего бывшего одноклассника. Со школьных времен Маша помнит, *кто* когда-то рассказывал ей про Христа, *кто* тихо шел впереди нее в темноте крестного хода и «заботливо зажигал погасшую на апрельском ветру свечку» (*Кучерская*: 74). В настоящее время Гриша — наркоман. Маша не может этого принять:

«Где он теперь? Где тот светлый юноша не в шутовской, не в женской, а в обычной, белой пасхальной рубашке? В какое подполье его упекли? Разве бывает преобразование наоборот, Господи?» (*Кучерская*: 74).

И теперь его бывшая соученица, среди утомительной рутины дел жены и матери, поддерживает связь с Гришей не только

² Кучерская М. А. Кукуша // Знамя. 2008. № 10. С. 71. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Кучерская* и указанием страницы в круглых скобках.

в соответствии с традициями великопостных заповедей — она помогает Грише и в другое время, не только в предназначенные для этого дни Великого поста. Однако дел милосердия недостаточно, чтобы вывести главную героиню рассказа из состояния, более глубокого, чем просто усталость от семейной рутины, чтобы рассеять сомнения самой Маши в вере, чтобы устранить ее тоску и неудовлетворенность собой, которые мучают ее.

В рассказе Кучерской, с одной стороны, соблюдены существенные составляющие литературного канона пасхального рассказа и самой идеи Пасхи: события, о которых повествуется, происходят между Святой Великой субботой и понедельником Светлой седмицы; именно в канун Пасхи главная героиня рассказа, невзирая на обстоятельства, прикладывает все усилия, чтобы принести облегчение своему другу, оказавшемуся в затруднительном положении. С другой стороны, несмотря на требование изменений, в жизни Маши не происходит никакого «преображения жизни» и того, что на языке вероисповедания называют метанойя.

Даже разговор со старцем, пользующимся авторитетом среди православных верующих, не приносит ей особенной пользы. Напротив, старец разочаровывает Машу отсутствием «контакта»³. Насколько бесконечна предшествующая началу их короткого разговора тишина, подчеркнута пространственным распределением наречия «бесконечно» по четырем строчкам, что усиливает дискомфорт ожидания:

«[Старец] поднимает глаза и смотрит на меня
бес-
ко-
не-
чно
уоставшим взглядом» (Кучерская: 77).

³ Человеческая недоступность православных пастырей — это аспект, уже отмеченный М. Кучерской в повести «История одного знакомства» (1998), где молодая неофитка Иоханна стремилась найти в монахе Антонии, своем духовном отце, не только святость, но и «контакт» (см.: Кучерская М. А. История одного знакомства // Волга. 1998. № 10. С. 32; [Иванова: 268]).

Такое расположение текста, отсылающее к литературным приемам русского авангарда XX в., визуально резюмирует отсутствие ожидаемого контакта между героиней и старцем.

Разочарование от посещения монастыря в определенном смысле укрепляет в главной героине рассказа убеждение, что не следует искать путей спасения от экзистенциальных проблем через экстраординарные или сверхъестественные события. Эти размышления обращены не только к себе. Вспомним эпитафию, говорящую, что рассказ посвящен «*всем самовольно живот свой скончавшим*» или, можно предполагать, тем, кто, подобно Грише, может принять такое решение.

Неслучайно и после встречи со старцем в Маше не происходит заметного внутреннего преображения. Однако в ней появляется понимание: она интуитивно чувствует, что для христианина двуединство — вера во Христа и выполняемые дела — и есть та верная тропа, которая ведет к душевному покою, позволяет преодолевать трудные минуты и направлять свою помощь конкретно на таких людей, как Гриша. Поэтому Маша возвращается домой, к своим обычным занятиям, решив «*честно нести свой крест*», с упорством кукушки, которая в русском фольклоре символизирует женскую фигуру в образе жены, матери, сестры или дочери⁴.

Как сочетается образ русского фольклора с крестом? Упоминание в рассказе креста, несомненно, не лишено смысла. Страдание каждого отдельного христианина фактически должно быть связано с жертвой Христа, о которой прямо говорится в середине рассказа, когда упоминается «Гентский алтарь» ван Эйка. Он изображен на открытке, которую Маша вынужденно отдает Грише — тот, придя к ней в гости, замечает это изображение и упрашивает подарить ему. Что же представляет собой эта открытка? Почему она привлекла внимание такого человека, как Гриша? Чем была, как оказалось, дорога для Маши? Почему в рассказе представлен именно этот

⁴ Семантика образа кукушки в славянском фольклоре многообразна и в основе своей архаична. В текстах легенд и преданий восточных славян кукушкой обычно становятся мать, жена или дочь (см.: [Никитина: 8, 123]). Кучерская обычно делает в своих текстах отсылки к фольклору. Об использовании фольклорной образности в произведениях Кучерской и их значении см.: [Челпанова: 138–140].

визуальный пример? Алтарь — место, где обновляется пасхальная жертва Христа. Из внутреннего монолога Маши мы знаем, что не раз эта картинка «утешала» ее, «отвлекала от ненужных мыслей» (*Кучерская*: 77). На что могут указывать текстуальные подтверждения важности для главной героини именно этого изображения? О чем должно сказать интертекстуальное цитирование именно этого визуального источника? То обстоятельство, что открытка с этим грандиозным религиозным сооружением много времени находилась вблизи главной героини рассказа, и именно это изображение просил отдать в качестве подарка практически антигерой данного произведения, — может указывать на не проявляемую явно, но скрыто присутствующую общность, единство внутреннего мира этих двух персонажей. Может быть, эта картинка напоминает обоим о тех временах, когда в юности они ходили вместе в храм и их вера не знала никаких колебаний.

Но существует и литературный аспект важности интертекстуальной отсылки именно к этому изображению, к этой открытке с Гентским алтарем. Совсем не случайно она, «в самодельной рамочке из картонки», «стояла в большой комнате, прислоняясь к черному собранию сочинений Достоевского» (*Кучерская*: 74)⁵. В обществе своего времени Достоевский дал голос «маленькому человеку», не оставляя в стороне и грешников, помещая их в горизонт божественного «милосердия и правды», напоминая действиями и размышлениями таких персонажей как Родион Раскольников, Дмитрий Карамазов и Великий Грешник, что Благая Весть обращена прежде всего к ним, и Церковь должна заботиться и о них, должна делать все, чтобы и они могли услышать эту весть прощения и милосердия и, узнав ее, покаяться, а также иметь жизнь «с избытком» («Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» — Ин. 10:10). Осознание того, что ее интуиция верна, приходит к главной героине в пасхальный понедельник после неожиданного телефонного звонка от Гриши, который говорит ей главные слова этого праздника: «Христос воскрес!»

⁵ Наверняка речь идет о следующем ПСС: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авт. орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова; текстол. группа: В. Н. Захаров [и др.]. Т. 1–11. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995–2015–.

Кучерская описывает героиню, проникнутую сущностью евангельского послания, но далекую от обрядов Православной Церкви и ее пастырей. В «Кукушке» отсутствие какого-либо упоминания о пасхальной литургии проявляет сложное современное отношение к православной христианской традиции и духовенству⁶. Это отношение к Церкви отражает позицию тех россиян, кто, по мысли М. Н. Эпштейна, исповедует «бедную, минимальную религию»⁷, в особенности тех верующих, кто вошел в православную Церковь после распада Советского Союза и полностью еще не воцерковился. «...В ней есть целый пласт людей, мучительно ищущих Бога и себя», — пишет Александр Правиков в молодежном Интернет-журнале МГУ «Татьянин день», добавляя, что «именно они — постоянные и заинтересованные читатели М. Кучерской»⁸.

Упоминание кукушки⁹ отсылает нас к славянскому фольклору, к субстрату языческой веры, никогда полностью не поглощаемой христианством. Этот образ славянского фольклора приобретает особое значение в тексте рассказа, где лексема

⁶ На вопрос, почему не православие утешило мужа главной героини романа «Тетя Мотя», Кучерская ответила, что «у каждого свой путь, своя голова, кому-то лучше с Китаем. <...> К тому же христианство и особенно православие — религия аскетичная и строгая, требующая определенных жертв, на которые современный герой, независимо от своей гендерной принадлежности, не всегда готов пойти» [Иванова, Сафарова: 74].

⁷ Вот как М. Н. Эпштейн определяет эту постатеистическую религию: бедная религия, или минимальная религия — это «вера в Бога, лишенная признаков конкретного вероисповедания, отвлеченная от исторических, национальных, церковных традиций. Термин "бедная" в данном выражении лишен негативного оттенка и обозначает тот минимализм, который присущ многим явлениям культуры конца XX в. ("бедный театр" Е. Гроговского, "минимализм" в изобразительном искусстве). Бедная религия — одна из главных составляющих постатеизма <...>. Отрицая в равной степени все веры, атеизм тем самым наглядно обнаруживает то, что их объединяет: целостное, нерасчлененное чувство Бога, вырастающее вне исторических, национальных, конкретно-церковных традиций. Бедная религия есть общий знаменатель всех вер, их всеобщая форма, ставшая содержанием постатеистической веры» [Эпштейн: 410].

⁸ Правиков А. А. Неудобные герои и неудобные вопросы Майи Кучерской // Татьяна день: молодежный Интернет-журнал МГУ. 2008. 20 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.taday.ru/text/138880.html> (01.05.2023).

⁹ Кукуша и кукушка — синонимы. См., например: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык Медиа, 2007. Т. 2. С. 214.

«кукуша» звучит эпитетом и характеризует эмоциональное и психологическое состояние героини: она дает полное представление об ее занятости и том упорстве, с которым героиня выполняет все, что положено матери, жене, дочери. Уменьшительно-ласкательная форма лексемы «кукуша» придает этому слову положительный, в некотором смысле семейный оттенок в соответствии с ее фольклорной функцией¹⁰. Несколько загадочное сопоставление креста — христианского символа, с кукушкой — образом славянского фольклора, говорит о таком, возможно, сохранившемся в некоторых слоях общества синкретизме фольклора и религии, когда христианская и языческая вера сосуществуют во внутреннем мире человека.

В рассказе Кучерской канон пасхального рассказа, сложившийся во второй половине XIX в., еще действует. Помимо некоторых составляющих идейного содержания (как, например, акцент на человеческих ценностях и делах милосердия, преобразование жизни главной героини — в данном случае вместо этого происходит изменение ее внутреннего состояния) чертой канона выступает также поиск персонажем собственной идентичности. Этот мотив преобладает над остальными жанровыми признаками и в других пасхальных рассказах современной литературы, присутствуя у подростка, перед которым стоит трудная задача не пойти по стопам пьющего отца, — в «Пасхальном рассказе со срывом» Б. П. Екимова¹¹; у священника Владимира, которого после нескольких лет священнослужения настиг глубокий кризис и который решил оставить священничество, — в рассказе «Однажды на Пасху» А. Б. Торика¹².

¹⁰ Ср.: «В культуре восточных славян — в фольклоре, поверьях, обрядовой практике и быту — кукушка наделялась женской символикой. В некоторых местностях у русских слово "кукуша" использовалось для ласкового названия женщины» [Мадлевская: 300].

¹¹ Екимов Б. П. Пасхальный рассказ со взрывом // Новый мир. 2002. № 10. С. 8–13.

¹² Торик А. Б., протоиерей. Однажды на Пасху [Электронный ресурс]. URL: <https://author.today/reader/259691> (01.05.2023). Главным при занятиях литературным трудом А. Торика стал двадцатилетний опыт церковной службы. Серия художественных повестей «Флавиан» (2004, 2010, 2012, 2022), где прототипом главного героя становится протоиерей Василий Владышевский (у которого автор в 1984 г. начал свое церковное служение в качестве алтарника), служит духовному просвещению и пробуждает интерес читателей. Фантастические эпизоды в рассказах серии содержат

В этих двух рассказах пасхальный канон соблюден полностью: и в отношении пасхального хронотопа, и в наличии грешника — пьющего отца, который во время ссоры взрывает боевое устройство, — у Б. П. Екимова, и сироты Сони, пятнадцатилетней девочки, оказывающей помощь Владимиру после нападения на него, а позже просящей его окрестить ее и принять исповедь, — у А. Б. Торики. В начале XXI в. пасхальный рассказ дает повод современным писателям размышлять о человеке в свете Христова Воскресения и о его внутренних страданиях при поиске своей идентичности. В заключение — не только на основе рассказа Кучерской, но и на примере произведений Екимова и Торики — можно отметить, что пасхальный канон в начале XXI в. расширился, вместив в себя экзистенциальный статус человека в состоянии кризиса, охватывающего героя, который находится в поисках своей идентичности. Разрешение этого кризиса и соответствующее преобразование жизни — зависит от значимости для человека христианской веры и личного отношения к ней.

Список литературы

1. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
2. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 249–261 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (01.05.2023). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403
3. Иванова Е. А. Тайна Исповеди. Майя Кучерская // Вопросы литературы. 2013. № 3. С. 267–283 [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/article/tajna-ispovedi-majya-kucherskaya/> (01.05.2023). EDN: TXJMON
4. Иванова И. Н., Сафарова К. Р. Идея счастья в контексте христианства в прозе М. Кучерской // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 74–78 [Электронный ресурс]. URL: <https://humanitieslaw.ncfu.ru/jour/article/view/806/806> (01.05.2023). EDN: UKOWIP
5. Калениченко О. Н. Пасхальный рассказ // Калениченко О. Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века: святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла: монография. Волгоград: Перемена, 2000. С. 100–174.

в своей основе реальные факты. См. подробнее: Сигутин А. Непридуманные истории священника Александра Торики // Портал «Правмир». 2011. 25 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/nepridumannye-istorii-svyashhennika-aleksandra-torika/> (01.05.2023).

6. Козина Т. Н. Возвращение жанра: пасхальный рассказ в современной прозе // Известия Самар. науч. центра РАН. 2011. Т. 13. № 2 (1). С. 159–162 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_2_159_162.pdf (01.05.2023). EDN: NXKFCB
7. Козина Т. Н. Эволюция пасхального архетипа. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2019. 80 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36980073_83492715.pdf (01.05.2023). DOI: 10.17117/mon.2019.01.01. EDN: VUMBTM
8. Мадлевская Е. Л. Русская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 780 с. (Сер.: Тайны древних цивилизаций.)
9. Никитина А. В. Образ кукушки в славянском фольклоре. 2-е изд. М.: Флинта, 2014. 187 с.
10. Николаева С. Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века. М.; [Ярославль]: Литера, 2004. 360 с.
11. Челпанова Е. Христианская женская проза сегодня: неудавшаяся попытка поиска новой женской субъективности? // Вопросы литературы. 2020. № 1. С. 132–149 [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/article/hristianskaya-zhenskaya-proza-segodnya-neudavshayasya-popytka-poiska-novoj-zhenskoj-subektivnosti/> (01.05.2023). DOI: 10.31425/0042-8795-2020-1-132-149. EDN: RYKVAS
12. Эпштейн М. Н. Религия после атеизма: новые возможности теологии. М.: АСТ-Пресс, 2013. 415 с. (Сер.: Идеи для мира.)

References

1. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti [Paskhal'nost' of Russian Literature]*. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
2. Zakharov V. N. Easter Story as a Russian Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 249–261. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed on May 1, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403 (In Russ.)
3. Ivanova E. A. The Secret of Confession. Maya Kucherskaya. In: *Voprosy literatury*, 2013, no. 3, pp. 267–283. Available at: <https://voplit.ru/article/tajna-ispovedi-majya-kucherskaya/> (accessed on May 1, 2023). EDN: TXJMOH (In Russ.)
4. Ivanova I. N., Safarova K. R. The Idea of Happiness in the Context of Christianity in M. Kucherskaya's Prose. In: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and Law Research]*, 2015, no. 2, pp. 74–78. Available at: <https://humanitieslaw.ncfu.ru/jour/article/view/806/806> (accessed on May 1, 2023). EDN: UKOWIP (In Russ.)
5. Kalenichenko O. N. The Easter Story. In: *Kalenichenko O. N. Sud'by malykh zhanrov v russkoy literature kontsa XIX — nachala XX veka: svyatochnyy i paskhal'nyy rasskazy, modernistskaya novella [The Fate of Small Genres in Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries: Yuletide and*

- Easter Stories, Modernist Novella*]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 100–174. (In Russ.)
6. Kozina T. N. Genre Return: Easter Story in Modern Prose. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 2011, vol. 13, no. 2 (1), pp. 159–162. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_2_159_162.pdf (accessed on May 1, 2023). EDN: NXK-FCB (In Russ.)
 7. Kozina T. N. *Evolutsiya paskhal'nogo arkhetaipa [The Evolution of the Easter Archetype]*. Tambov, Konsaltingovaya kompaniya Yukom Publ., 2019. 80 p. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36980073_83492715.pdf (accessed on May 1, 2023). DOI: 10.17117/mon.2019.01.01. EDN: VUMBTM (In Russ.)
 8. Madlevskaya E. L. *Russkaya mifologiya [Russian Mythology]*. Moscow, Eksmo Publ., St. Petersburg, Midgard Publ., 2005. 780 p. (Ser.: Secrets of Ancient Civilizations.) (In Russ.)
 9. Nikitina A. V. *Obraz kukushki v slavyanskom fol'klore [The Image of the Cuckoo in Slavic Folklore]*. Moscow, Flinta Publ., 2014. 187 p. (In Russ.)
 10. Nikolaeva S. Yu. *Paskhal'nyy tekst v russkoy literature XIX veka [Easter Text in Russian Literature of the 19th Century]*. Moscow, Yaroslavl, Litera Publ., 2004. 360 p. (In Russ.)
 11. Chelpanova E. Female Christian Prose Today: a Failed Search for New Women's Subjectivity? In: *Voprosy literatury*, 2020, no. 1, pp. 132–149. Available at: <https://voplit.ru/article/hristianskaya-zhenskaya-proza-segodnya-neudavshayasya-popytka-poiska-novoj-zhenskoj-subektivnosti/> (accessed on May 1, 2023). DOI: 10.31425/0042-8795-2020-1-132-149. EDN: RYKVAS (In Russ.)
 12. Epshteyn M. N. *Religiya posle ateizma: novye vozmozhnosti teologii [Religion After Atheism: New Opportunities of Theology]*. Moscow, AST-Press Publ., 2013. 415 p. (Ser.: Ideas for the World.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кавацца Антонелла, PhD, доцент **Antonella Cavazza**, PhD, Associate славистики, Урбинский университет Professor of Slavic Studies, The University of Urbino Carlo Bo (Piazza Rinascimento 7, Urbino, Италия, 61029); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5984-7439>; e-mail: antonella.cavazza@uniurb.it.

Поступила в редакцию / Received 22.05.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 05.07.2023

Принята к публикации / Accepted 10.07.2023

Дата публикации / Date of publication 12.09.2023